Magistra Vitae. 2026. Т. 11, вып. 1. С. 114–125.
Magistra Vitae. 2026;11(1):114-125.

Научная статья

УДК 930

https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-1-114-125

Аспирантура в Институте истории АН СССР во второй половине 1940-х — начале 1960-х годов

Темурмалик Комилджонович Холматов

Российский государственный гуманитарный университет; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, timur.kholmatoff@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2975-1647

Аннотация. С опорой на делопроизводственные источники (отчеты и планы научного учреждения, стенограммы заседаний ученых, которые отложились в фондах Архива РАН и Научного архива ИРИ РАН, а также положения об аспирантуре, приказы и постановления органов власти и т. д.) и мемуары историков в статье реконструирована организация подготовки аспирантов в Институте истории АН СССР с первых послевоенных лет до начала 1960-х гг. Значительная часть проведенного исследования сконцентрирована на условиях поступления и обучения молодых историков, а также особенностях организации учебного процесса. В частности, были рассмотрены требования к экзаменационным испытаниям, письменным работам, которые входили в индивидуальный план, дана краткая характеристика тематики диссертационных исследований. На основе статистических данных в статье также выявлена динамика количества аспирантов (по годам), что позволило глубже представить проблемы, с которыми столкнулось научное учреждение в послевоенную эпоху. В заключительной части сделан вывод, что условия работы аспирантуры в Институте истории АН СССР не были оптимальными во многом из-за переизбытка обучавшихся молодых историков в послевоенные годы.

Ключевые слова: аспирантура, Институт истории АН СССР, историческое образование, подготовка научных кадров, диссертация, кандидатский экзамен, история исторической науки

***Для цитирования*:** Холматов Т. К. Аспирантура в Институте истории АН СССР во второй половине 1940-х — начале 1960-х годов // Magistra Vitae. 2026. Т. 11, вып. 1. С. 114–125. URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/45-magistra-vitae-1-2026.html https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-1-114-125

Original article

https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-1-114-125

Postgraduate Studies at the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR in the Second Half of 1940s — Early 1960s

Temurmalik K. Kholmatov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation; HSE University, Moscow, Russian Federation; timur.kholmatoff@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2975-1647

Abstract. This paper reconstructs the organization of postgraduate study at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences in the second half of 1940s — the early 1960s. The main part of the research is focused on the conditions of developing of young historians, as well as the specifics of the organization of the educational process. In particular, there are considered the requirements for examination tests and written papers taken from the individual plans. There is also given a brief characteristic of the topic of dissertations by postgraduate students. Based on statistical data, the article also reveals the dynamics of the number of graduate students. It allows the author to achieve a deeper understanding of the problems faced by the academic institution in the post-war era. In the final part of the paper it is concluded that the conditions for postgraduate studies at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences were not optimal because of the oversupply of young historians in the post-war years. The research is based on documentation sources (such as reports and plans of the academic institution, transcripts of meetings of scientists that have been deposited in the funds of the Archive of the Russian Academy of Sciences and the Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, as well as orders and resolutions of government authorities, and others) and memoirs of historians.

© Холматов Т. К., 2026

Keywords: postgraduate studies, the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR, history education, scientific personnel training, dissertation, candidate examination, the history of historical science

For citation: Kholmatov TK. Postgraduate Studies at the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR in the Second Half of 1940s — Early 1960s. *Magistra Vitae*. 2026;11(1):114-125. (In Russ.). URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/45-magistra-vitae-1-2026.html https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-1-114-125

Введение

Подготовке научных кадров по истории в советский период уделяется немало внимания в историографии. С начала 2020-х гг. активно развиваются исследования по диссертационной культуре историков в 1920–1950-е гг., что позволяет глубже представить особенности защиты диссертаций как одного из ключевых инструментов формирования квалифицированных научных кадров[1]. Для понимания того, как велась подготовка к защите диссертаций, как осуществлялась система взаимодействия «учитель—ученик», каковы были требования к подготовке молодых историков, какие специальности были особенно востребованы в конкретный период советской истории, представляется необходимым также изучение института аспирантуры.

В историографии организация работы аспирантуры по историческим специальностям рассматривалась в основном до середины 1940-х гг. Так, проблеме формирования советской аспирантуры по истории в 1920–1930-е гг. (в Москве и Ленинграде) посвящены работы А. М. Скворцова [Скворцов, 2016; 2021; 2023]. С точки зрения регионального опыта подготовки научно-педагогических кадров по истории следует также отметить статьи Л. А. Бушуевой [Бушуева, 2023] и В. Д. Камынина [Камынин, 2024]. Вопросам организации работы аспирантуры в Институте истории РАНИОН уделено внимание в исследованиях Л. В. Ивановой [Иванова, 1968, с. 96–118], Т. И. Калистратовой [Калистратова, 1992, с. 84–96] и О. В. Метель [Метель, 2019, с. 96–98], краткие сведения о подготовке медиевистов в том же учреждении приведены в статье С. В. Кондратьева и Т. Н. Кондратьевой [Кондратьев, Кондратьева, 2022, с. 136]. Отдельно следует выделить работы, в которых аспирантура РАНИОН рассмотрена через биографическую оптику. Так, статьи Т. Н. Кондратьевой [Кондратьева, 2011] и Н. Д. Гилевича [Гилевич, 2025] позволяют представить индивидуальные особенности подготовки, трудности с которыми сталкивались молодые историки (Б. Ф. Поршнев, 1905–1972, и Л. В. Черепнин, 1905–1977) в период обучения. Наконец, состоянию подготовки кадров (аспирантов и докторантов) в Институте истории АН СССР в годы Великой Отечественной войны посвящена статья Е. Н. Кушевой [Кушева, 1986].

Настоящая статья посвящена проблеме подготовки аспирантов Института истории АН СССР (как одного из центров советской исторической науки) с первых послевоенных лет до начала 1960-х гг. В качестве источников были привлечены делопроизводственные материалы (преимущественно планы и отчеты, связанные с подготовкой аспирантов, а также протоколы и стенограммы заседаний ученых Института истории АН СССР), которые позволили выявить основные черты в организации подготовки, состав аспирантов (в том числе проследить динамику количества обучавшихся) и тематику диссертаций[2]. Необходимо также выделить документацию нормативного содержания (положения об аспирантуре, приказы и постановления органов власти и т. д.), которая была включена в работу для анализа общих условий зачисления в аспирантуру, особенностей подготовки обучавшихся, их прав и обязанностей. Интеллектуальную атмосферу, в которой проходила подготовка аспирантов, трудно представить без источников личного происхождения. С этой точки зрения ценными источниками стали мемуары А. М. Некрича (1920–1993), А. П. Каждана (1922–1997) и А. Я. Гуревича (1924–2006), которые в 1940-е гг. были аспирантами Института истории АН СССР.

Условия поступления и организация учебного процесса

Ко второй половине 1940-х гг. институт аспирантуры (как основной источник пополнения научных и научно-педагогических кадров СССР)

[1] Вследствие большого количества трудов по теме отмечу лишь некоторые: [Алеврас, Гришина, 2022a; Алеврас, Гришина, 2022b; Алеврас, 2023; Скворцов, 2025].

[2] Хотя в ходе данного исследования были обнаружены отчеты о работе аспирантуры вплоть до разделения научного учреждения на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории в 1968 г., они тем не менее (по причине их информационного потенциала) представляют интерес преимущественно с точки зрения статистических показателей (о количестве аспирантов).

требовал реорганизации с учетом общей потери квалифицированных кадров в годы Великой Отечественной войны, а также вследствие нараставшего разрыва в их количестве в научных учреждениях и вузах в центре и на периферии страны. Вместе с тем необходимо отметить и потребности в квалифицированных кадрах для решения задач, связанных с восстановлением экономики страны по четвертой пятилетке (1946–1950 гг.). Для повышения количества аспирантов и качества их подготовки, улучшения показателей по защитам диссертаций предпринимались меры по расширению практики прикомандирования, более строгому регулированию отбора поступающих, аттестации обучавшихся, а также работы научных руководителей.

Многие принципы подготовки молодых научных кадров, сложившиеся к началу 1950-х гг., были закреплены в новом положении об аспирантуре[3], в соответствии с которым организовывалась работа данного института в научных учреждениях и вузах страны. По положению 1950 г., аспирантами могли быть лица не старше 40 лет[4]. По-видимому, сохранение того же возрастного ограничения, которое действовало с принятия предыдущего положения (1939 г.), вызвано стремлением стимулировать к подготовке как можно больше потенциально квалифицированных кадров. Возрастные ограничения были изменены после утверждения очередного положения в 1957 г., когда поступить в аспирантуру могли лица до 35 лет[5]. Можно предположить, что эта корректировка, напротив, должна была ограничить значительный поток аспирантов. Обращает на себя внимание значительная динамика количественного роста: по статистическим данным, в 1950 г. по всей стране было около 21,9 тыс. аспирантов, а через 5 лет — примерно 29,4 тыс.[6] С подготовкой увеличивающегося потока молодых кадров в должной мере не справлялись научные учреждения и вузы, в связи с чем в 1956 г. было утверждено Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по улучшению подготовки и аттестации научных и педагогических кадров» (в котором одно из центральных мест занимали вопросы качества обучения и подготовки диссертаций)[7]. Необходимо отметить, что именно в этот период наблюдалось снижение общего количества аспирантов в СССР: в 1956 г. — около 25,5, а в 1958 г. — около 23 тыс. (однако в последующие годы снова прослеживалась динамика роста в свете новых задач по семилетнему плану развития народного хозяйства страны)[8].

Для зачисления в аспирантуру в рассматриваемый период поступающему помимо заявления о приеме нужно было предоставить диплом об окончании вуза (или его нотариальную копию после зачисления), личный листок по учету кадров, автобиографии, характеристики с последнего места работы (или от учебного заведения), документ об отношении к воинской обязанности, медицинскую справку о состоянии здоровья, две фотокарточки, а также опубликованные научные труды. Схожий перечень (с небольшими изменениями[9]) был утвержден и в правилах приема в аспирантуру научных учреждений АН СССР 1957 г.[10] Вступительные испытания проводились по специальности[11], основам марксизма-ленинизма[12] и одному из иностранных языков в объеме программ вузов.

После поступления в аспирантуру научных учреждений АН СССР аспиранты (в зависимости от избранной специальности) распределялись по секторам, утверждались индивидуальные планы подготовки. План, как правило, включал выполнение работы по теме диссертации, систематическое изучение диалектического и исторического материализма, истории науки, а также иностранного языка. В Институте истории в зависимости от специальности в индивидуальный план также могло быть включено изучение древних языков, например латинского языка и/или древнегрече-

[3] Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции / под ред. Л. И. Карпова и В. А. Северцева. М., 1957. С. 280–284.

[4] Возрастные ограничения относились к очной форме обучения в аспирантуре (для заочной аспирантуры не было таких ограничений).

[5] Научные кадры в СССР : сборник документов и справочных материалов / под ред. А. В. Топчиева. М., 1959. С. 16–17. В годичную аспирантуру и аспирантуру без отрыва от производства по положению могли поступить лица до 45 лет.

[6] Наука в СССР: о чем говорит статистика? / сост. Е. А. Долгова, Е. А. Стрельцова. М., 2023. С. 32.

[7] Высшая школа. С. 284–287.

[8] Наука в СССР. С. 32.

[9] Например, в случае отсутствия опубликованных работ поступающие должны были предоставить письменные рефераты по избранной специальности.

[10] Научные кадры в СССР. С. 25–26.

[11] Вступительный экзамен по специальности предшествовал другим, так как в случае неудовлетворительных результатов оставшиеся испытания не проводились.

[12] В правилах приема 1957 г. вместо основ марксизма-ленинизма отмечен экзамен по истории КПСС (Научные кадры в СССР. С. 26).

ского для тех, чья профессиональная подготовка была связана с историей Древнего мира, Средних веков или археологией[13].

Обучение в среднем длилось три года, но срок мог меняться в зависимости от обстоятельств и категории аспиранта. Например, по правилам приема 1957 г., если у поступающего уже были зачтены кандидатские экзамены, то он не должен был сдавать их повторно и срок пребывания в аспирантуре сокращался до двух лет (но от вступительных экзаменов он не освобождался)[14]. По положению об аспирантуре того же года, если аспирант проходил обучение без отрыва от производства, то его пребывание могло длиться до четырех лет[15].

По положению об аспирантуре 1950 г., научным руководителем могли быть доктор наук или профессор[16], в исключительных случаях — кандидат наук (с разрешения Министерства высшего образования)[17]. Однако на практике исключений было немало. Как видно по отчетной документации о работе аспирантуры Института истории, кандидаты наук всё же регулярно выступали в качестве научных руководителей[18], что, по всей видимости, было вызвано нехваткой специалистов высшей квалификации. Например, в характеристике работы аспирантуры и докторантуры Института истории за 1952 г. отмечено, что среди 60 научных руководителей (51 — сотрудники Института истории и 9 — приглашенные специалисты) кандидатами наук были 19 человек (остальные руководители: 7 академиков, 4 — члена-корреспондента, 30 — доктора наук)[19]. В положении 1957 г. кандидаты наук не были отмечены даже в качестве исключений, как и в правилах приема в аспирантуру научных учреждений АН СССР (того же года)[20]. Тем не менее в отчетах конца 1950-х — начала 1960-х гг. также упоминались кандидаты наук (хотя и реже, чем в более ранние годы), которые руководили работой аспирантов[21].

Обнаруженные материалы не позволяют четко установить количество экзаменов, которые сдавали аспиранты (за время обучения) во второй половине 1940-х гг. Согласно О. Н. Юлкиной[22], выступившей на заседании ученого совета Института истории АН СССР 17 декабря 1951 г., в послевоенные годы аспиранты могли сдавать 8, 10 или 12 экзаменов[23]. О большом количестве экзаменов также упоминал в мемуарах известный византинист А. П. Каждан, проходивший обучение в аспирантуре Института истории АН СССР с конца 1943 г.[24] В сложившихся обстоятельствах у аспирантов возникали трудности с успешным завершением обучения. Для решения этой проблемы принимались меры по сокращению экзаменационных испытаний. К началу 1950-х гг. их было 4: 2 общих (иностранный язык и диалектический материализм) и 2 по специальности[25]. Первая половина обучения в аспирантуре, т. е. 1,5 года, отводилась на сдачу кандидатского минимума, вторая половина — на завершение работы над диссертацией. Принятые меры были во многом направлены на улучшение ситуации с неудовлетворительными показателями по защитам кандидатских диссертаций в предшествующие годы (особенно невысокими были результаты за 1949 г.: из запланированных 15 защит состоялось лишь 4[26]). Для

[13] АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1945–1956). Д. 323. Л. 1–3.

[14] Научные кадры в СССР. С. 27.

[15] Там же. С. 17.

[16] Согласно приказу МВО СССР «О мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров через аспирантуру» 1948 г. к руководству над аспирантами также должны были привлекаться лишь профессора и доктора наук (Бюллетень МВО СССР. 1948. № 4. С. 8).

[17] Высшая школа. С. 282.

[18] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 700. Л. 29–35; Д. 892. Л. 18–20; Д. 1073. Л. 1–3.

[19] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 793. Л. 20.

[20] Научные кадры в СССР. С. 18, 26. В правилах приема доктора наук и профессора были отмечены наряду с академиками и членами-корреспондентами.

[21] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1404. Л. 6; Д. 1648. Л. 3–5; Д. 1769. Л. 3–6.

[22] К началу 1950-х гг. была заведующей аспирантурой и докторантурой Института истории АН СССР. Достоверные сведения о годах жизни не удалось обнаружить.

[23] АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 280. Л. 43.

[24] Мир Александра Каждана: к 80-летию со дня рождения / отв. ред. А. А. Чекалова. СПб., 2003. С. 491.

[25] АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 280. Л. 44–46.

[26] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 700. Л. 15. Сложившаяся ситуация с защитами могла быть в том числе вызвана сменой тем диссертаций в послевоенные годы, что (в зависимости от степени погружения в тему исследования и степени корректировки) могло сказываться и на сроках завершения работы. В том же отчете хотя и не указывалось точное количество измененных тем в конце 1940-х гг., но всё же подчеркивалось, что это происходило часто (Там же. Л. 21). В данном контексте особый интерес представляет случай А. П. Каждана. Он, как уже было отмечено, поступил в аспирантуру в 1943 г. и изначально готовил исследование (под руководством Е. А. Косминского, 1886–1959) о рецепции римского права в средневековой Англии, но в процессе обучения выбрал тему аграрных отношениях в Византии XIII–XIV вв. и уже в 1946 г. защитил диссертацию (Мир Александра Каждана. С. 490–493).

увеличения времени работы над диссертацией с 1954 г. на сдачу экзаменов отводился уже лишь первый год обучения[27]. Для понимания условий, в которых был организован учебный процесс, необходимо также отметить нехватку финансирования аспирантуры, что, например, было преградой в организации командировок для работы в архивах[28] (это в свою очередь создавало трудности в завершении работы над диссертационным исследованием), проведении лекций и семинаров для аспирантов (что вместе с тем было связано с нехваткой помещений)[29].

Сокращение экзаменов по специальности должно было направить усилия аспиранта на более глубокое погружение в исследовательский материал. Для этого (в зависимости от специальности) ему предоставлялась возможность разработать две темы (по каждому экзамену). Целесообразность такого подхода в организации аспирантских экзаменов подчеркнул Б. Ф. Поршнев на заседании ранее упомянутого ученого совета 1951 г.: «Задача кандидатского минимума не в том, чтобы подготовить человека к чтению курса лекций, а чтобы воспитать соответствующим образом, чтобы он понял уровень требований, которые к нему предъявляются как в педагогической работе, так и в научной работе, чтобы он из бывшего студента перерос в научного работника. Вот что составляет кандидатский минимум. Кандидатский минимум вводит его в лабораторию науки, в курс научной постановки вопроса. Поэтому вполне достаточно несколько специальных вопросов, которые он углубленно будет изучать и на этом примере воспитывать. Это его научное воспитание»[30]. Данный подход к организации испытаний, по-видимому, не относился к прикомандированным и научно-педагогическим аспирантам[31]. С учетом уровня их подготовки (как неоднократно подчеркивалось в отчетной документации[32]), основной упор в период обучения был сделан в первую очередь на углубление исторического образования[33].

В следующем десятилетии мысль о направленности кандидатских экзаменов по специальности на развитие навыков самостоятельной исследовательской работы молодых историков отметил и Н. М. Дружинин (1886–1986). В 1963 г. к нему обратился директор Института истории В. М. Хвостов (1905–1972) с просьбой составить замечания по спискам тем и литературы для аспирантского экзамена по Отечественной истории. Согласно Н. М. Дружинину, представленные различными секторами списки были слишком большими, что могло привести к поверхностному ознакомлению аспиранта с рекомендуемыми материалами. Решение ему представлялось через значительное сокращение списков, что позволило бы аспиранту сконцентрироваться на ключевых вопросах и глубже представить, с одной стороны, историографическое значение рекомендуемых трудов, а с другой — постепенное расширение источниковой базы, направленной на исследование исторических явлений/процессов[34].

Особенно серьезные замечания у Н. М. Дружинина вызывал блок тем и список литературы по истории советской эпохи, которые больше соответствовали студенческому экзамену, чем аспирантскому: «Меньше всего соответствуют новым задачам аспирантских экзаменов перечни проблем, источников и литературы отдела по истории советского общества. В списке проблем значится 98 тем, которые, в сущности, являются заголовками последовательных глав университетского курса. При такой систематизации аспирантский экзамен превратится в повторение университет-

[27] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 983. Л. 58.

[28] Там же. Д. 793. Л. 30.

[29] Отдельно следует отметить, что проблема финансирования также сказывалась в размере оплаты работы научных руководителей. В отчете за 1951 г., например, были зафиксированы следующие данные: ежегодно в вузах научный руководитель (кандидат наук) мог получать за подготовку аспиранта — 3,5 тыс. руб. (а доктор наук — 5 тыс. руб.), в то время как в Институте истории — 1,5 тыс. руб. (разница выплаты в зависимости от научной степени не была указана): НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 700. Л. 26. Та же сумма (1,5 тыс. руб.) упоминалась и в отчете за 1954 г. (Там же. Д. 983. Л. 60).

[30] АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 280. Л. 79–80.

[31] Аспирантура педагогического набора, судя по всему, была направлена на подготовку кадров для вузов.

[32] Например, в отчете за 1952 г. дана следующая оценка поступавшим кандидатам в аспирантуру из различных регионов страны: «Особенно неблагополучно было с приемом аспирантов в порядке прикомандирования из научных учреждений АН союзных республик и филиалов АН СССР. В большинстве случаев направленные ими кандидаты не имели достаточной исторической и общеобразовательной подготовки, не владели русским языком, не знали иностранного языка и не смогли в силу этих обстоятельств выдержать вступительные экзамены» (НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 793. Л. 24). В отчете следующего года невыполнение плана большинством аспирантов связывалось с неудовлетворительной работой по отбору кандидатов, прежде всего научно-педагогических и прикомандированных аспирантов (Там же. Д. 892. Л. 12).

[33] АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1951). Д. 213. Л. 33.

[34] Там же. Ф. 1604. Оп. 3. Д. 90. Л. 283–284.

ского экзамена; аспирант не сумеет сосредоточиться на главных, узловых вопросах, его восприятие исторических явлений будет поневоле поверхностным и несамостоятельным. Количество источников в этом списке дано очень большое, некоторые — только "для ознакомления", другие (хроники событий) без оговорки, что ими надо пользоваться как справочным пособием. Исследовательская литература, наоборот, дана в ограниченном количестве, причем некоторые новые монографии, например, книга В. П. Данилова[35], вовсе не указаны. <…> Я считаю, что и тут, как в предыдущих списках, необходимо подчинить подбор и расположение материала как основной задаче — проверке самостоятельного мышления аспиранта, его умения ставить и анализировать проблему (а не тему) с точки зрения ее места в развитии историографии и источниковедческих методов разбираемых авторов»[36].

В отчетах первой половины 1950-х гг. порой упоминалось, что в индивидуальный план аспиранта также входил реферат (по теме избранной специальности), который был направлен на развитие исследовательских навыков при подготовке письменной работы. Как и кандидатские экзамены, реферат готовился к сдаче в первую половину обучения. В начале 1950-х гг. этот формат работы критиковался как малоэффективный, направленный лишь на одного читателя, т. е. научного руководителя. Сотрудники Института истории подчеркивали необходимость публичного представления предварительных результатов исследования аспиранта в период обучения. Чтобы он мог поделиться результатами своей работы с более широким кругом лиц, предлагалась организация обсуждения реферата на заседаниях сектора. В то же время это позволило бы аспиранту проявить бóльшую вовлеченность в работу научного коллектива. В данном контексте представляет интерес выступление Б. Ф. Поршнева на том же заседании ученого совета 1951 г., в котором историк вспоминал особенности подготовки аспирантов в Институте истории РАНИОН во второй половине 1920-х гг. Как он отметил, в РАНИОНе к аспирантам с первых же дней относились как к научным работникам. Они были активно вовлечены в исследования, которыми руководили старшие коллеги. Участие аспирантов в работе секторов Института истории он рассматривал как пассивную. По его словам, молодые исследователи не были втянуты в работу научного коллектива[37]. На том же заседании многие исследователи подчеркивали, что участие аспирантов в работе сектора не должно ограничиваться лишь редким выступлением с докладом по теме диссертации.

Что касается тематики кандидатских диссертаций в Институте истории, то с начала 1950-х гг. был сделан акцент на подготовке работ по истории стран Восточной и Центральной Европы: Венгрии, Польши, Чехословакии, Румынии, что вполне логично соотносилось со внешнеполитическим интересом СССР в те годы к странам народной демократии. О востребованности квалифицированных научных кадров по этой специальности наглядно свидетельствует случай, который рассматривался в Институте истории в 1953 г. Он был связан с требованием руководства АН Азербайджанской ССР изменить специализацию прикомандированного аспиранта Т. М. Исламова (1927–2004) с истории Венгрии на историю Азербайджана. В докладной записке А. А. Новосельского (1891–1967), к тому времени заместителя директора Института истории АН СССР, Б. Д. Грекову (1882–1953) подчеркивалась необходимость отклонить это требование ввиду, с одной стороны, нерентабельной растраты государственных средств (т. к. к тому времени Т. М. Исламов уже прошел примерно половину аспирантской программы обучения), а с другой — «крайней необходимости изучения истории стран народной демократии и подготовки специалистов в этой области»[38]. В итоге Т. М. Исламов продолжил обучение по ранее избранной специальности и в 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию «Рабочее движение и политическая борьба в Венгрии в 1905–1906 гг.».

Вместе с тем на протяжении всего рассматриваемого периода значительный упор был сделан на подготовке диссертаций по отечественной истории конца XIX — первой половины XX в. (особенно по советской эпохе). При этом по количеству выделялись темы по социально-экономической истории (с учетом региональной оптики), а также истории внешней политики. В условиях борьбы с «фальсификацией буржуазных историков» не меньше внимания уделялось также различным проблемам истории западных стран в тот же период.

Отдельно стоит рассмотреть вопрос о публикациях по теме диссертации. Он поднимался

[35] Вероятно, речь идет об этой работе: Данилов В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957.

[36] АРАН. Ф. 1604. Оп. 3. Д. 90. Л. 285–286.

[37] Там же. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 280. Л. 81.

[38] Там же. Ф. 457. Оп. 1 (1953). Д. 325. Л. 2 об.

на ученом заседании 1951 г. (в частности, было предложено публиковать лучшие рефераты аспирантов), но, по-видимому, более широко обсуждался в последующие годы в связи с формированием публикационных требований. Так, 20 августа 1956 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по улучшению подготовки и аттестации научных и педагогических кадров», согласно которому к защите должны быть приняты кандидатские и докторские диссертации «только после опубликования их в печати в виде монографий или отдельных статей»[39]. Хотя во второй половине 1950-х гг. создаются новые периодические издания (в 1955 г. сборник «Исторический архив» был преобразован в одноименный журнал, в 1957 г. стали издаваться «Новая и новейшая история», «История СССР», а также историко-партийный журнал «Вопросы истории КПСС»), всё же условия для публикаций работ по теме диссертации, судя по восприятию современников, трудно было назвать благоприятными.

В данном ключе представляет интерес выступление И. И. Минца (1896–1991) на всесоюзном совещании о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам (Москва, 18–21 декабря 1962 г.). Академик хотя и рассматривал требования 1956 г. в позитивном ключе, но в то же время обратил внимание на сроки публикации: «Возьмем такой вопрос, который мы ставили неоднократно, о публикациях диссертаций как обязательном условии защиты. Этот закон был принят в 1956 г. Он был принят абсолютно правильно, так как выводил защиту диссертаций из узких рамок разговоров диссертанта с оппонентом на общественную арену, но при этом не было реально обеспечено выполнение этого правильного постановления. И в результате получилось, что мы стали жертвой собственных иллюзий. Иногда требуется два-три года, чтобы добиться издания какой-то части работы. Я знаю аспирантов, которые по пять-шесть лет ждут этой возможности. <…> Я проделал недавно следующую “исследовательскую” работу: взял 25 диссертаций и подсчитал количество статей, которые были опубликованы авторами диссертаций. Получились следующие данные: как правило, публикуются две, редко три статьи, объемом в среднем чуть более двух печатных листов. Это меня удивило. Тогда я взял авторефераты и подсчитал, а каков объем самих авторефератов. Оказалось, чуть более полутора листов. Напрашивается поэтому предложение: нельзя ли изменить характер публикации автореферата, увеличить объем и количество экземпляров, рассылаемых на места, ну, скажем, до 500, и дать возможность соискателю защищать диссертации. Без решения этой проблемы нарушается естественный ход воспроизводства, восполнения научных кадров; народное хозяйство не получает нужных специалистов вовремя. Кроме того, страдает наука, потому что молодые ученые, вместо того чтобы заниматься научно-исследовательской деятельностью, тратят время на опубликование работы»[40]. Проблему сроков публикации он отметил и применительно к «крупным академическим жанрам», однако она рассматривалась в более широком контексте, выходящем за рамки подготовки научных кадров по истории.

[39] Научные кадры в СССР. С. 12. Это требование также было закреплено в положении об аспирантуре 1957 г. (Там же. С. 19).

Состав аспирантуры

Обратившись к количественным данным о составе аспирантуры, можно прояснить обстоятельства работы данного института и проблемы, которые были для него характерны в рассматриваемый период. На основе статистических сведений я попробую не только проследить динамику подготовки кадров, но также вписать ее в социокультурный контекст эпохи.

В первые послевоенные годы аспирантура Института истории столкнулась с проблемой переизбытка количества аспирантов. Согласно данным Е. Н. Кушевой, к 1 января 1946 г. общий состав аспирантов и докторантов Института истории составлял 114 человек [Кушева, 1986, с. 119], а в 1947 г. их насчитывалось уже 136 (из них 95 были аспирантами)[41]. По-видимому, такие показатели были связаны с последствиями военного времени. В годы Великой Отечественной войны из-за удаленности архивных и библиотечных фондов, бытовых проблем, болезней и других причин лишь немногие успевали проходить аттестацию и в результате сроки пребывания в аспирантуре продлевались.

По данным отчетов за 1948–1949 гг., состав аспирантов значительно сократился (рис. 1)[42], что было вызвано совокупностью факторов. Помимо окончивших обучение, не прошедших переаттe-

[40] Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам (18–21 декабря 1962 г.). М., 1964. С. 75–76.

[41] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 380. Л. 1.

[42] Данные на рис. 1 относятся к 1 января указанного года.

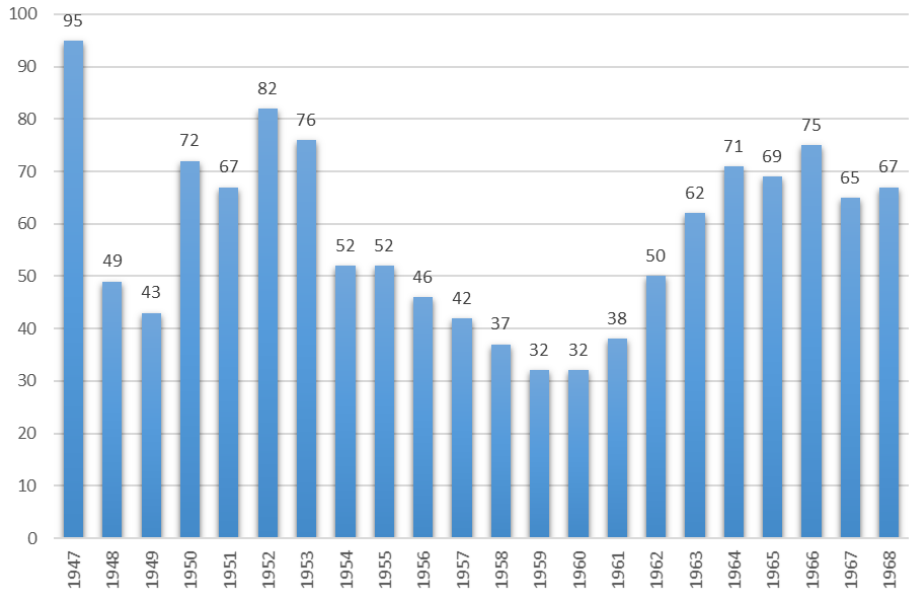

Рис. 1. Численность аспирантов Института истории АН СССР (в 1947–1968 гг.)
Fig. 1. The number of graduate students at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences (in 1947–1968)

Сост. по: НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 380, 436, 501, 587, 700, 793, 892, 983, 1073, 1178, 1295, 1404, 1648, 1769, 2005, 2128, 2242, 2344, 2471

стацию и отчисленных по личному заявлению, довольно большим был показатель аспирантов, защитивших диссертации в 1947 г.[43] Кроме того, примерно 1/3 от общего числа аспирантов перешла в Институт славяноведения АН СССР, который начал свою работу в 1947 г.

С опорой на мемуары историков можно предположить, что на состав аспирантуры во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. немалое влияние оказали также идеологические кампании. Об их широком охвате, который затронул в том числе молодых историков, писал, например, А. Я. Гуревич. Согласно медиевисту, в результате борьбы с космополитизмом почти сразу после поступления были отчислены многие аспиранты еврейского происхождения, в том числе и сам автор мемуаров, но ему впоследствии удалось восстановиться[44]. Кампании, по всей видимости, также сказывались на перспективах трудоустройства молодых ученых после обучения в аспирантуре. Вероятно, из-за идеологических кампаний не смог остаться в Москве после защиты диссертации в 1946 г. А. П. Каждан, который, хотя и не писал об этом напрямую в мемуарах, но отмечал послевоенный период как непростой в своей жизни[45]. В частности, он упоминал о своем увольнении в 1949 г. из Ивановского пединститута в условиях борьбы с «безродными космополитами». Следует также упомянуть и мемуары А. М. Некрича, в которых аспиранты позиционировались не как жертвы кампаний, а как активные участники, критики своих учителей[46], что, вероятно, напротив могло способствовать укреплению их позиций в научном учреждении.

В начале 1950-х гг. количество аспирантов возросло, что было вызвано комплексом факторов. Во-первых, количественный рост происходил в условиях возросших потребностей в пополнении квалифицированного кадрового состава Института истории. Из-за увеличения объема работы по перспективному плану подготовки и роста кадров данного учреждения за 1951–1955 гг. ставилась задача пополнения штата сотрудников с 211 до 342 человек[47]. Вместе с тем, как видно по отчетам и откликам сотрудников института, набор аспирантов осуществлялся неудовлетворительно. Б. Ф. Поршнев в 1951 г. отметил, что причина данной проблемы — некорректная организация подачи заявок на приглашение студентов, оканчивающих вуз и имеющих склонность к научной работе. Как видно из практики того времени, чтобы закрепить того или иного студента за институтом, необходимо подать эту заявку в начале учебного

[43] В этом году состоялось 20 успешных защит (НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 380. Л. 3–4).
[44] Гуревич А. Я. История историка. М., 2004. С. 44–45.
[45] Мир Александра Каждана. С. 494–495.
[46] Некрич А. М. Отрешись от страха. Воспоминания историка. Лондон, 1979. С. 53–54.
[47] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 701. Л. 1–3.

года. Б. Ф. Поршнев же выступал за то, чтобы такую заявку можно было бы подать сразу после окончания обучения выпускника, что позволило было судить о его исследовательской подготовке по дипломной работе.

Во-вторых, сохранялось значительное количество прикомандированных и научно-педагогических аспирантов. Согласно отчетной документации, практика прикомандирования не была четко урегулирована и могла происходить в течение всего учебного года[48], что в свою очередь создавало трудности в организации работы отдела аспирантуры.

В связи с увеличением приема аспирантов (прежде всего прикомандированных) в послевоенные годы необходимо также упомянуть проблему нехватки мест в общежитиях. В отчете аспирантуры Института истории за 1950 г. отмечено, что из-за отсутствия возможности обеспечить аспирантов необходимой жилплощадью арендовались пригородные дачи[49]. Для решения данной проблемы (которая, разумеется, относилась и к другим научным учреждениям в структуре АН СССР, а также создавала трудности для размещения докторантов) предпринимались меры по ускоренному строительству новых общежитий и переустройству имеющихся в Москве и Ленинграде[50]. Тем не менее проблема нехватки мест не была в полной мере решена. Например, в середине 1950-х гг. заселение аспирантов в городе осуществлялось со второго года обучения, а в течение первого они жили в отдаленных общежитиях (что приводило к неэффективному бюджету времени и сказывалось на работоспособности обучавшихся)[51]. По-видимому, эта проблема сохранялась и в следующем десятилетии. По Постановлению ЦК КПСС и Совмина от 12 мая 1962 г. («О мерах по дальнейшему улучшению подбора и подготовки научных кадров») Мосгорисполком и Ленгорисполком должны были выделить АН СССР земельные участки для строительства общежитий в 1962–1963 гг. (на 2 тыс. мест)[52].

Вследствие существенного увеличения численности аспирантов в послевоенные годы сотрудники Института истории неоднократно подчеркивали дисбаланс возможностей отдельных секторов в зачислении к ним молодых исследователей. Согласно отчетам второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. значительная часть аспирантов была закреплена преимущественно в секторах по истории XIX и особенно XX в.[53] Проблему разрыва между количеством аспирантов и возможностей конкретного сектора в подготовке кадров подчеркивал Б. Ф. Поршнев в том же 1951 г.: «В секторе новой истории имеется 7 докторов наук и два человека, закончивших докторантуру, считайте, почти 9 докторов наук. Плюс мы имеем привлеченных к этой работе 3-х академиков. Огромная сила! Если бы каждый из докторов и академиков имел по одному-два аспиранта, мы могли бы готовить гораздо больше, чем мы готовим сейчас»[54]. В дальнейшем, как видно по отчетам 1952–1962 гг., сохранялась тенденция распределения аспирантов преимущественно по секторам истории XIX–XX вв.[55]

К середине 1950-х гг. наблюдалось резкое сокращение численности аспирантов (рис. 1), что было вызвано значительным превышением (более чем в два раза) количества выбывших (защитившихся и отчисленных без защиты диссертации) над зачисленными. В последующие годы наблюдалась та же тенденция (вплоть до конца 1950-х гг.), невысокими были показатели приема прикомандированных аспирантов.

Ощутимый рост количества аспирантов с начала 1960-х гг. был, по-видимому, реакцией на партийные директивы того времени, особенно после принятия III Программы КПСС. В свете новых задач, которые были поставлены перед советскими историками, особое внимание уделялось вопросам подготовки научных и научно-педагогических кадров по историческим наукам. Так, в докладе академика и партийного деятеля Б. Н. Пономарева (1905–1995) на ранее упомянутом всесоюзном совещании 1962 г. была подчеркнута проблема сокращения приема в аспирантуру во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг., в том числе в Институте истории АН СССР[56]. Примечательно, что поступившие в это научное учреждение аспиранты в начале 1960-х гг. были распределены преимущественно по секторам, в которых велась

[48] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 587. Л. 19; Д. 793. Л. 32.
[49] Там же. Д. 587. Л. 22.
[50] АРАН. Ф. 524. Оп. 22. Д. 3. Л. 9–11, 48–49, 75, 77.
[51] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 983. Л. 61.
[52] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. за 50 лет. Т. 5 : 1962–1965 годы. М., 1968. С. 85.
[53] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 380. Л. 1; Д. 436. Л. 2; Д. 501. Л. 5; Д. 587. Л. 7.
[54] АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 280. Л. 75.
[55] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 793. Л. 9; Д. 983. Л. 42–43; Д. 1073. Л. 15; Д. 1178. Л. 20; Д. 1295 Л. 11; Д. 1404. Л. 6–7; Д. 1648. Л. 20; Д. 1769. Л. 7; Д. 1883. Л. 1.
[56] Пономарев Б. Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории // Вопросы истории. 1963. № 1. С. 28.

подготовка по наиболее востребованным темам (согласно докладу Б. Н. Пономарева): по истории советского общества, новейшей истории западноевропейских стран, США и Латинской Америки[57]. В целом, при рассмотрении данных о количестве аспирантов в начале 1960-х гг. необходимо также учитывать повышенное внимание научных и научно-образовательных учреждений к институту аспирантуры в связи с тенденцией того времени на «омоложение» квалифицированных научных кадров, подготовку «достойной научной смены» [Управление наукой, 2024, с. 170–171].

Заключение

Итак, на основе проведенного исследования можно сделать вывод, что условия подготовки аспирантов в Институте истории АН СССР, по крайней мере в первое послевоенное десятилетие, трудно назвать оптимальными. До середины 1950-х гг. они во многом были вызваны переизбытком количества аспирантов, что вместе с тем создавало значительные организационные трудности. Если с середины 1940-х гг. чрезмерное количество аспирантов было связано с продлением сроков пребывания из-за последствий войны, то в первой половине 1950-х гг. — увеличенным потоком иногородних специалистов (профессиональная подготовка которых при поступлении нередко была не вполне удовлетворительной). Это приводило к высокой загруженности научных руководителей. При этом данная проблема относилась прежде всего к ученым наиболее востребованных специальностей, в то время как кадровые ресурсы отдельных секторов, как видно из отчетов, могли обеспечить научным руководством бóльшее количество молодых исследователей. Усугубляли сложившееся положение и финансовые проблемы (что, в частности, сказывалось как на возможностях аспирантов, например, в организации научных командировок, так и на достойной оплате работы научных руководителей), а также невозможность обеспечить всех обучавшихся местами в общежитиях. Судя по всему, примерно с середины 1950-х гг. наблюдались более благоприятные условия для организации работы по причине постепенного сокращения общего состава обучавшихся. Можно предположить, что данная тенденция была связана со стремлением нормализовать работу аспирантуры. Однако уже в начале 1960-х гг. поток обучавшихся снова увеличивался в результате закрепления очередных задач коммунистического строительства и, соответственно, возросшей потребности в квалифицированных научных кадрах, которые специализировались по актуальным темам. Вместе с тем во второй половине 1950-х гг. после введения публикационных требований к диссертантам появилась новая проблема. Эти требования должны были сделать полученные в ходе работы над диссертационным исследованием результаты общественным достоянием, но всё же условия для их реализации в рассматриваемый период были не вполне удовлетворительны.

Представленная краткая реконструкция, разумеется, не претендует на всесторонний охват вопросов, связанных с подготовкой кадров в Институте истории АН СССР. Пристального внимания также заслуживает организация работы докторантуры: выявление особенностей данной формы подготовки, которая хотя и не была столь устойчивой, как аспирантура, позволит более комплексно представить реконструкцию подготовки кадров историков в послевоенный период.

[57] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1769. Л. 7–8; Д. 1883. Л. 1–4.

Список литературы

1. Алеврас Н. Н. Российская диссертационная культура в ситуации «фронтирного» перехода: историко-научное сообщество 1930–1950-х годов // Magistra Vitae. 2023. № 1. С. 68–81. URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/34-magistra-vitae-1-2023.html

2. Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Докторская диссертация в советской диссертационной системе: опыт защит в 1930-х — начале 1940-х годов // Научный диалог. 2022a. Т. 11, № 3. С. 337–354.

3. Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Историки из дореволюционного прошлого в советской диссертационной системе: защиты докторских диссертаций М. Д. Приселковым (1939) и А. И. Андреевым (1940) // Диалог со временем. 2022b. № 80. С. 205–221.

4. Бушуева Л. А. Опыт подготовки научно-педагогических кадров историков в высшей школе Казани в 1920-е гг. // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 2. С. 124–134. URL: https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023.html. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-124-134

5. Гилевич Н. Д. Отчисление из аспирантуры Льва Владимировича Черепнина в контексте истории советской исторической науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. Т. 70, вып. 1. С. 179–195.

6. Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг.). М. : Мысль, 1968. 197 с.

7. Калистратова Т. И. Институт истории ФОН МГУ–РАНИОН (1921–1929). Н. Новгород : Изд-во «Нижний Новгород», 1992. 216 с.

8. Камынин В. Д. Формирование высококвалифицированных кадров преподавателей истории в уральских вузах в 1917–1941-х гг. // История и современное мировоззрение. 2024. Т. 6, № 1. С. 133–140.

9. Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Состав и деятельность секции средневековой истории Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (1921–1929) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 126–139.

10. Кондратьева Т. Н. Борис Федорович Поршнев: учеба в Институте Истории РАНИОН // Европа: международный альманах. 2011. Вып. 10. Тюмень : Изд-во ТюмГУ. С. 141–157.

11. Кушева Е. Н. О подготовке научных кадров в Институте истории АН СССР в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1986. № 3. С. 118–128.

12. Метель О. В. «Лаборатория марксистской мысли»: историческая наука в Коммунистической академии (1918–1936 гг.). Омск : Изд. центр КАН, 2019. 156 с.

13. Скворцов А. М. От научных сотрудников II разряда к аспирантам: подготовка кадров высшей квалификации по медиевистике в Ленинграде (1920–1930-е гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10, № 4. С. 59–65.

14. Скворцов А. М. Подготовка кадров высшей квалификации по античной истории в СССР 1920-х — начале 1930-х гг. // Magistra Vitae. 2016. № 2. С. 177–184. URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/16-it.html

15. Скворцов А. М. Становление советской аспирантуры по истории в СССР в 1930-е годы: законодательное регулирование и практика // Научный диалог. 2021. № 12. С. 444–460.

16. Скворцов А. М. Экспертиза диссертаций и вопросы формирования советской диссертационной культуры (1930 — начало 1950-х гг.) // Magistra Vitae. 2025. Т. 10, № 1. С. 47–62. URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/41-magistra-vitae-1-2025.html

17. Управление наукой: путеводитель по советскому прошлому / отв. ред. Е. А. Долгова. М. : РГГУ, 2024. 405 с.

References

1. Alevras NN. Russian Dissertation Culture in the “Frontier” Transition: Community of Historians of the 1930s — 1950s. *Magistra Vitae*. 2023;(1):68–81. URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/34-magistra-vitae-1-2023.html (In Russ.).

2. Alevras NN, Grishina NV. Doctoral dissertation in the Soviet dissertation system: the experience of defense in the 1930s — early 1940s. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*. 2022a;(3):337-354. (In Russ.).

3. Alevras NN, Grishina NV. The historians of the pre-revolutionary period in Soviet dissertation system: doctoral dissertation defense of M. D. Priselkov (1939) and A. I. Andreev (1940). *Dialog so vremenem = Dialogue with time*. 2022b;(80):205-221. (In Russ.).

4. Bushueva LA. Training for Scientific and Pedagogical Personnel of Historians in the Higher School of Kazan in the 1920s. *Magistra Vitae*. 2023;(2):124-134. (In Russ.).

5. Gilevich ND. Lev Vladimirovich Cherepnin’s Expulsion from Graduate School in the Context of Soviet Historical Science. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija = Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 2025;(1):179-195. (In Russ.).

6. Ivanova LV. *U istokov sovetskoi istoricheskoi nauki (Podgotovka kadrov istorikov-marksistov v 1917–1929 gg.) = At the origins of Soviet Historical Science (Preparation of Marxist Historians in 1917–1929).* Moscow, Mysl’ Publ.; 1968. 197 p. (In Russ.).

7. Kalistratova TI. *Institut istorii FON MGU–RANION (1921–1929) = The Institute of History of the Faculty of Social Sciences at MSU–RANION*. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Publ.; 1992. 216 p. (In Russ.).

8. Kamynin VD. Formation of Highly Qualified Personnel of History Teachers in Ural Universities in the 1917–1941's. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie = History and Modern Perspectives.* 2024;(1):133-140. (In Russ.).

9. Kondratiev SV, Kondratieva TN. Staff and Activity of the Section of Medieval History at the Institute of History of the Russian Association of Scientific Research Institutes (1921–1929). *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki = Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts.* 2022;(2):126-139. (In Russ.).

10. Kondratieva TN. Boris Fedorovich Porshnev: Study at the RANION Institute of History. *Evropa: mezhdunarodnyj al'manakh = Europe: International Almanac*. 2011;(10):141-157. (In Russ.).

11. Kusheva EN. On the preparation of scientific personnel at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences during the Great Patriotic War. *Istoriya SSSR = The History of USSR*. 1986;(3):118-128. (In Russ.).

12. Metel' OV. «*Laboratorija marksistskoj mysli*»: *istoricheskaja nauka v Kommunisticheskoj akademii (1918–1936 gg.) = "The Laboratory of Marxist Thought": Historical Science at the Communist Academy (in 1918–1936).* Omsk, KAN Publ.; 2019. 156 p. (In Russ.).

13. Skvorcov AM. From second class researchers to postgraduates: the training of medieval scholars in Leningrad (the 1920s — 1930s). *Vestnik Omskogo universiteta. Serija "Istoricheskie nauki"* = Herald of Omsk University. Series "Historical Studies". 2023;(4):59-65. (In Russ.).

14. Skvorcov AM. Training of highly qualified personnel in the classic studies of the Soviet Union in the 1920s — early 1930s. *Magistra Vitae.* 2016;(2):177-184. URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/16-it.html (In Russ.).

15. Skvorcov AM. The Formation of Soviet postgraduate studies in history in USSR in 1930s: legislative regulation and practice. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*. 2021;(12):444-460. (In Russ.).

16. Skvorcov AM. Dissertation Review and Issues of Formation of the Soviet Dissertation Culture (1930 — the Early 1950s. *Magistra Vitae*. 2025;(1):47-62. URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/41-magistra-vitae-1-2025.html (In Russ.).

17. Dolgova EA, ed. *Upravlenie naukoj: putevoditel' po sovetskomu proshlomu = Scientific Research Management: a Guide to the Soviet Past* Moscow, Russian State University for the Humanities; 2024. 405 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Т. К. Холматов — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории российской науки и научно-технологического развития Российского государственного гуманитарного университета; старший преподаватель Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Information about the author

T. K. Kholmatov — Candidate of Historical Sciences, senior researcher at Russian State University for the Humanities; senior lecturer at HSE University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2025; одобрена после рецензирования и принята к публикации 24.10.2025.

The article was submitted 15.10.2025; approved after reviewing and accepted for publication 24.10.2025.